

ФИЛОСОФИЯ

УДК 34(091) «16/17»

ПРОБЛЕМА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ ПЕТРА СКАРГИ

канд. филос. наук, доц. И.А. БОРТНИК, А.А. ЕМЕЛЬЯНОВ
(Полоцкий государственный университет)

Рассматривается проблема общественно-политического устройства в творчестве активного деятеля контрреформационного движения Речи Посполитой второй половины XVI – начала XVII века Петра Скарги. Выявлены и проанализированы социально-политические концепции в трудах данного мыслителя: «капланского королевства», государственного устройства, права. Установлено, что политическим идеалом П. Скарги выступала сильная монархия, ограниченная светской и в первую очередь церковной аристократией. Модель сильной монархии рассматривалась в неразрывной связи с постулированием господства католической религии и приоритета церковной власти в духовной сфере. Право рассматривается как средство для обеспечения безопасности в общественной жизни. Отмечается, что законы должны прежде всего служить интересам католической религии и нравственности. Право должно закреплять сословное деление общества и обеспечивать гармоническое взаимодействие в отношениях между сословиями.

Введение. Временем бурного расцвета общественно-политической мысли Великого Княжества Литовского и Польского Королевства стал XVI век. Развитию интеллектуальной культуры способствовала специфическая политическая система Речи Посполитой, основанная на принципах выборной монархии и шляхетской демократии. В данных условиях сформировались несколько направлений в социально-политической мысли Речи Посполитой. Одним из них было течение, связанное с контрреформационным движением, направленным на установление господства католической церкви в общественной жизни. В числе наиболее ярких представителей Контрреформации в Польском Королевстве и Великом Княжестве Литовском выделяется Петр Скарга.

Скарга является автором большого количества трудов на различные темы. Во многих из них достаточно широко рассмотрены теоретические, а также актуальные практические социально-политические вопросы. Среди этих трудов следует отметить: «Upominanie do ewangelików» («Предостережение евангеликов», 1592) [15]; «Proces konfederatiew» («Процесс конфедерации», 1595) [14]; «Kazania sejmowe» («Сеймовые проповеди», 1597) [12]; «Otóż tobie rokosz» («Вот тебе рокош», 1606) [13]; «Dyskurs na konfederacyą» («Дискурс на конфедерацию», 1607) [11]; «Wzywianie do pokuty obywatelów Korony Polskiej y Wielkiego Księstwa Litewskiego» («Призыв к покаянию граждан Польской Короны и Великого Княжества Литовского», 1610) [16].

Цель данного исследования – выявление особенностей социально-политической концепции П. Скарги.

Творчество Петра Скарги имеет достаточно богатую историографию. Однако до начала XX века оно исследовалось преимущественно в польской литературе в рамках мифа о Скарге как о польском национальном пророке, якобы предсказавшем за два столетия вперед крах государства. Впервые попытка объективного отражения идейного наследия П. Скарги представлена в монографии польского исследователя С. Виндакевича, изданной в 1925 году [23]. В этом труде была достаточно подробно рассмотрена и охарактеризована деятельность Скарги по различным направлениям. В послевоенной польской историографии из довольно обширного количества работ в первую очередь необходимо отметить труды М. Королько и Я. Тазбира, в которых Петр Скарга рассматривается как активный деятель Контрреформации, в творчестве которого сочетались элементы католической теократии и ограниченного абсолютизма [6; 18].

В белорусской историографии первые труды, в которых затрагиваются социально-политические взгляды П. Скарги, появляются в советский период. Однако в них творчество католического мыслителя представлено весьма тенденциозно. Необходимо указать работу Я.Н. Мараша [3, с. 48 – 52], в которой П. Скарга в соответствии с установками советской историографии характеризуется как идеолог феодально-католической реакции, ярый монархист. В постсоветский период белорусские ученые отходят от схематического изображения контрреформационного движения. Однако комплексный анализ общественно-политической мысли Петра Скарги в белорусской историографии не проводился.

Основная часть. Общественно-политическое учение Петра Скарги складывалось под сильным влиянием многовековой католической социально-философской традиции, а также с учетом общественно-политических реалий в Речи Посполитой на рубеже XVI – XVII веков.

Католическая социально-философская традиция формировалась в общеевропейском масштабе на протяжении Средневековья. В качестве двух его основных источников следует выделить философию аристотелизма, а также вероучение католической церкви. Под влиянием аристотелизма сложились представления о государстве как об объединении родов и поселений с целью обеспечения счастливой жизни, о «правильных» и «неправильных» формах государства, о назначении права. Влияние католического вероучения проявилось в обосновании божественного происхождения государства, в учении о соотношении божественного, естественного и государственного права, и прежде всего в концепции двух видов власти в государстве: духовной и светской.

Во второй половине XVI века происходит становление контрреформационного дискурса, в рамках которого средневековая социально-философская традиция получила развитие применительно к новым условиям. Основными центрами контрреформационной мысли становятся Италия и Испания, а среди наиболее авторитетных представителей следует выделить иезуитов Франсиско Суареса, Хуана де Мариана, Роберто Беллармино. Основной идеей этих мыслителей является тезис о приоритете церковной власти над светской. В соответствии с ним провозглашалось право церкви вмешиваться в вопросы внутренней политики государств, имеющие отношение к религии. Главной обязанностью светской власти считались поддержка католической религии и беспощадная борьба с «еретиками», вплоть до их физического уничтожения. При характеристике сущности и форм государственной власти иезуитские мыслители проявляли значительную гибкость. Так, Ф. Суарес провозглашал допустимость различных форм правления (абсолютная монархия, смешанная монархия, аристократия, демократия). Некоторые мыслители, как например, шотландский иезуит Уильям Барклай склонялись к поддержке абсолютизма, опираясь на идею суверенитета монархической власти. Другие же, в первую очередь Х. де Мариана, адаптировали идеи народного суверенитета, необходимости контроля над деятельностью монарха со стороны представительных органов власти и даже оправдывали вооруженное сопротивление и убийство тиранов [7, s. 125 – 130, 202 – 204, 553]. Но при всей подобной гибкости иезуитских подходов в понимании государственной власти следует учесть, что в конечном итоге подлинным суверенитетом наделялась духовная власть, происходящая непосредственно от Бога и поэтому находящаяся выше любой светской власти. А поэтому независимо от политической системы наивысшей властью в государстве должна обладать католическая церковь [7, s. 125 – 126]. В свете этого использование иезуитами противоположных идей суверенитета монархической власти и народного суверенитета имело прежде всего инструментальный характер, позволяя идеологическими средствами поддерживать авторитет лояльных католической церкви правителей и санкционируя борьбу против протестантских властей.

В рассматриваемый период происходит формирование контрреформационной социально-философской мысли в Польском Королевстве, а затем и в Великом Княжестве Литовском. Значительное воздействие на нее оказала специфическая общественно-политическая ситуация в Речи Посполитой (ограниченная монархическая власть короля, значительные права и привилегии шляхты, законодательно закрепленная религиозная терпимость). В социально-политических рассуждениях католических идеологов объединяющим моментом является тезис о приоритете духовной власти над светской. По отношению к анализу способов осуществления государственной власти характерна критика существующей в Речи Посполитой политической системы. Мыслители, представлявшие епископат (В. Гослицкий, С. Карнковский, Ю. Верещинский), склонялись главным образом к поддержке аристократической формы правления [4; 5; 21, s. 79 – 178]. Иезуит К. Варшевицкий выступал сторонником сильной наследственной монархии и остро критиковал шляхетскую демократию [7, s. 550; 19, s. LXIV; 20, s. 383 – 405; 22, s. 172 – 178]. Иезуитские полемисты подчеркивали необходимость сильной католической монархии как средства для борьбы с «ересями». Подобная позиция была обусловлена надеждами на то, что короли, оказывавшие поддержку иезуитам, получив широкие полномочия, смогли бы осуществить главную цель контрреформационной политики – установление господства католической религии в государстве. Нередко звучали требования введения юридических санкций против иноверцев.

Творчество П. Скарги формировалось также в данных условиях. Как представитель католического духовенства, он был хорошо знаком с литературой своих коллег и оппонентов, а также с трудами ведущих деятелей западноевропейской Контрреформации. Творчество П. Скарги не несло в себе некоего новаторского потенциала. В его трудах нашла свое выражение систематизация накопленного идейно-теоретического опыта в рамках католической традиции Речи Посполитой.

В трудах П. Скарги можно выделить три основные социально-политические концепции, которые будут рассмотрены в дальнейшем:

- концепция «капланского королевства»;
- концепция государственного устройства;
- концепция права.

Концепция «капланского королевства». В общественно-политической мысли Великого Княжества Литовского и Польского Королевства средневековая доктрина примата церкви над государством нашла свое выражение в форме концепции «капланского королевства».

Определяющим постулатом концепции «капланского королевства» П. Скарги является, как и у всех представителей Контрреформации, утверждение верховенства духовной власти над светской. Польский исследователь Я. Тазбир подчеркивает сильное влияние на творчество П. Скарги идей современного ему итальянского католического теолога Роберто Беллармина, последовательно защищавшего средневековую концепцию верховенства власти римских пап [18, s. 163].

Рассуждая о соотношении духовной и светской власти в государстве, П. Скарга использует укоренившуюся в средневековой социальной философии аристотелевскую органицистскую концепцию. Опираясь на нее, он провозглашает наилучшей формой государственно-политического устройства монархию. Католическую церковь П. Скарга отождествляет с «сердцем» государства: «Религия и духовное сословие в теле Речи Посполитой – это как бы внутреннее сердце, которое приводит к вечной жизни (...) Если нанесен ущерб католической вере и духовному сословию, значит ранено сердце и быстро наступит смерть Речи Посполитой» [12, s. 128]. Таким образом, нападки на католическую церковь ассоциируются с попытками поразить целый организм в сердце.

По мнению теолога-иезуита, главная обязанность государственной власти – защита интересов католической церкви, так сказать «охрана сердца государства»: «Король перед священником дает присягу, что как слуга Христа он будет защищать церкви, священников и церковные законы (...)» [12, s. 105].

Наряду с чисто религиозными аргументами, почерпнутыми из Библии, произведений «отцов церкви», папских декретов и постановлений церковных соборов, П. Скарга пытается обосновать необходимость господства одной религии в государстве и обществе, апеллируя к «естественному разуму». Здесь он выдвигает на первый план прочно укоренившееся в политической культуре Речи Посполитой понятие «согласия» («згоды»). Петр Скарга видит согласие в обществе в гармоничном взаимодействии структурных элементов, социальном неравенстве, точном размежевании функций между отдельными частями общества, наличии коллективных гражданских чувств. Выход определенной группы или лица за пределы понимаемого таким образом «согласия» рассматривается как противоестественное явление по аналогии с оторванной от тела частью [12, s. 72 – 76]. Религия выступает при этом фундаментальной основой органического общественного единства. Право, мораль и традиции рассматриваются как производные от религии социальные нормы, обеспечивающие путем апелляции к сверхъестественному определенные праксеологические схемы. С помощью многочисленных античных и библейских сюжетов обосновывается идея о том, что «королевства и республики без божьей помощи создаваться, возникать и защищаться не могут» [12, s. 81]. По мнению Скарги, примером служит то, что даже язычники, прежде чем начать какое-либо дело, спрашивали через жрецов волю своих богов. Рассматривая сюжеты из истории Польского Королевства,

П. Скарга отмечает, что принятие и распространение в нем католической религии содействовало внутреннему расцвету и территориальному росту государства: «Этот старый дуб так укоренился, что его не свернул никакой ветер. Потому что корень его – Христос и священники его, и богослужение католическое» [12, s. 106].

Наличие различных религиозных идей в обществе рассматривается как неизбежный источник социальной напряженности. Результатом религиозной терпимости, по мнению П. Скарги, становится разложение общественного единства. Если в государстве одна религия, такое государство тем самым укрепляется, а если в нем много религий, то в нем тогда преобладают внутренние конфликты, разделения и упадок, ибо «различие в вере не способствует дружбе между людьми» [12, s. 112]. «Еретики» рассматриваются как деструктивная сила в обществе. При этом указывается на опыт религиозных войн и социальных конфликтов в Западной Европе, источником которых провозглашается распространение реформационных учений [14, k. 15]. Утверждается, что отрицание авторитета духовной власти неизбежно влечет за собой сомнения в прерогативах государственной власти [14, k. 17]. Большое значение также уделялось тезису о том, что возможность смены вероисповедания является источником морального релятивизма. Появление «еретических» учений, считает П. Скарга, вызывает сомнение в общепринятых ценностях, обуславливает падение авторитета духовной, а затем и светской власти, приводит к атеизму, отождествляемому с аморализмом [14, k. 9, 17].

С точки зрения П. Скарги, принятие шляхтой протестантизма привело к ослаблению центральной власти и возрастанию шляхетской анархии [12, s. 117 – 122]. Католический теолог ставил знак равенства между распространением «ересей» и ростом шляхетского произвола в период рокоша 1606 – 1609 годов [13, s. 35 – 40]. При этом Скарга указывал на то, что протестанты, выступавшие в Речи Посполитой с лозунгами свободы вероисповедания, сами на тех территориях, где они обладали властью, осуществляли политику подавления иных конфессий. В качестве примеров этому указываются многочисленные факты притеснения католиков в тех странах, где протестантизм выступает господствующей религией, а также в городах Королевской Пруссии и частных владениях протестантской шляхты в Речи Посполитой [15, s. 10, 13 – 14; 16, s. 140 – 141]. Петр Скарга утверждал, что в общественно-политической жизни Речи Поспо-

литой иноверцы постоянно нарушают права католиков. На сеймах протестантская шляхта всячески затягивает решение вопроса о возвращении католической церкви имущества, захваченного протестантами в частных владениях и городах Королевской Пруссии, что предусматривал тот же акт Варшавской конфедерации [11, s. 364, 366]. В то же время П. Скарга замалчивает факты религиозных репрессий в католических странах, приуменьшает масштабы и значимость «тумультов» в Речи Посполитой. Он противопоставляет гиперболизированной жестокости «еретиков» мягкость и милосердность католиков [11, s. 363 – 364; 14, s. 124].

В работе «Предостережение евангеликов» П. Скарга систематизированно излагает аргументы, в соответствии с которыми нельзя признать акт Варшавской конфедерации:

- Варшавская конфедерация противоречит божественному праву, требующему наказания для «еретиков»;
- Варшавская конфедерация противоречит церковному праву, требующему передавать «еретиков» светской власти для наказания;
- Варшавская конфедерация противоречит государственному праву, поскольку была принята в период бескоролья и не была поддержана католическим духовенством и частью шляхты;
- Варшавская конфедерация противоречит потребностям государства в обеспечении «согласия», общественного единства;
- Варшавская конфедерация противоречит естественному праву, требующему карать «зло» [15, s. 7 – 16].

Критика идей толерантности требовала одновременно выработки стратегии по отношению к представителям других вероисповеданий. В католической общественной мысли западноевропейских стран получило широкое распространение обоснование физического принуждения относительно иноверцев. В то же время имелись и другие подходы, допускавшие возможность временного примирения с «еретиками» с учетом тех или иных обстоятельств. Анализ произведений П. Скарги не дает однозначного ответа на вопрос о конкретных мерах воздействия в отношении иноверцев. С одной стороны, постоянно подчеркивается ответственность «еретиков» и необходимость их наказания светской властью. Характерными явлениями при этом выступают сожаления по поводу безнаказанности «еретиков», правовой беспомощности католиков в борьбе с ними. Петр Скарга возмущается тем, что предусмотрены наказания для «грабителей, воров, для убийц», а для «еретиков, крадущих спасение и убивающих души», никаких санкций не предусмотрено [16, s. 119]. В одном из своих трудов он склоняется к признанию принципа «*cuius regio, eius religio*» («чья власть, того и религия»), требуя удаления протестантов из королевских городов, реституции захваченного иноверцами имущества католической церкви в период Реформации [17, s. 32]. А в труде «Предостережение евангеликов» Скарга говорит: «Знаем, что ересь – это плохо, но соседи и братья, с которыми мы живем в одном отечестве хорошие» [17, s. 3]. Там же говорится о том, что попытка насильственных действий в отношении «еретиков» содержит в себе опасность гражданской войны, а поэтому более перспективными являются мирные средства распространения католической веры [15, s. 33]. На основе данного высказывания польский историк С. Тарновский даже характеризует взгляды П. Скарги как «дивную и великую толерантность» [17, s. 32].

Следует признать, что в социально-политических условиях Речи Посполитой открытая апология религиозного насилия не могла быть принята. Католическое духовенство здесь адаптировалось к факту мирного сосуществования разных конфессиональных групп, а также принимала во внимание политическую значимость не католической шляхты. Польский историк С. Виндакевич полагает, что П. Скарга допускал терпимость в отношении иноверцев в качестве проявления благородства католического большинства при одновременном категорическом отрицании возможности правового закрепления религиозной свободы, на что претендовал акт Варшавской конфедерации [23, s. 170 – 173]. Исследователь Я. Тазбир отмечает близость концепции П. Скарги к умеренным западноевропейским концепциям (М. Беканус, Х. де Мариана) в рамках контрреформационной мысли [18, s. 276 – 277].

Возникает также вопрос об отношении к светской власти в том случае, когда она не выполняет своих обязанностей в отношении поддержки «истинной религии» и более того притесняет последнюю. В католической политической философии со времен Средневековья подобная власть квалифицировалась как тирания. Сопротивление подобной власти объявлялось вполне законным делом; указывалось на право духовенства лишать власти «нечестивых» светских правителей. Скарга, однако, позиционирует себя как апологет сильной централизованной монархии. Он полагает, что даже если руководители государства «находятся в смертных грехах», под чем явно следует понимать их отступление от религиозной ортодоксии, подданные обязаны сохранять лояльность по отношению к государственным институтам и исполнять их предписания [12, s. 120 – 122]. Подобная точка зрения связана в значительной степени с тем, что в актуальной ситуации П. Скарга стремился найти поддержку у королевской власти Речи Посполитой для проведения в жизнь контрреформационной политической программы. Сотрудничество с королев-

ским двором во многом обусловило отрицательное отношение теолога к тираноборческим идеям и подпитывало проабсолютистские интенции.

Концепция государственного устройства. Теория государственно-политического устройства в XVI и в значительной степени в XVII столетии основывалась на средневековой рецепции политической философии аристотелизма. В соответствии с ней была разработана патриархально-эвдемонистическая концепция государства и общества. Государство с точки зрения аристотелизма представляет собой объединение родов и поселений для достижения самодостаточного состояния, заключающегося в счастливой жизни [1, с. 412]. Наиболее совершенным из всех видов государственного устройства считалась смешанная монархия («*monarchia mixta*»), гармонически соединявшая в себе признаки монархии, аристократии и демократии. В шляхетской социально-политической мысли часто проводились параллели особенностей государственной системы Речи Посполитой и теоретических конструктов «смешанной монархии».

Концепция государственно-политического устройства Петра Скарги основывается на постулатах сильной монархической власти в светских делах и высокой роли церковной власти. Наиболее совершенной формой государственного правления католический теолог рассматривает монархию. В пользу этого тезиса он приводит теологические и рационально-натуралистические аргументы.

Обильно цитируя библейские тексты, П. Скарга утверждает, что монархия – «это продолжение небесной власти, где правит один Бог. И он так установил и вложил это в человеческие души, чтобы у людей была власть одного» [12, s. 128]. Эту идею Скарга развивает в следующих словах: «Что король приказал, это как все равно Бог приказал (...) Писание называет королей и начальников богами потому, что они являются его старостами и наместниками (...)» [12, s. 157].

С другой стороны, для обоснования монархического строя П. Скарга использует укоренившуюся в средневековой социальной философии аристотелевскую органицистскую концепцию. Опираясь на нее, он утверждает: «От природы положено, чтобы телом управляла одна голова. Так и в Речи Посполитой лучший и наиболее естественный способ правления – это монархия или единовластие» [12, s. 125]. Проводя подобную натуралистическую аналогию, Скарга стремится доказать, что монархия соответствует естественному порядку вещей, в то время как иные формы государственно-политического устройства являются противоестественными и ведущими к хаосу.

Состояние королевской власти в Речи Посполитой католический проповедник оценивает как весьма плачевное: «Нынче никто не боится ни короля, ни его суда, ни его наказаний. Все кто хочет, ворчат на него, каждый его поучает и желает быть его педагогом (...)» [12, s. 7]. Ограничение власти короля сеймом и шляхетскими вольностями, по мнению П. Скарги, сильно подрывает способность государства отвечать на внешние угрозы. Постоянно говорится о военной опасности со стороны Турции и Крымского ханства, которую невозможно отразить без сильной центральной власти. В качестве примера П. Скарга упоминает одного из идеализированных в средневековом дискурсе ветхозаветных персонажей царя Соломона: «Был ли бы наимудрейшим Соломон, если бы не имел власти, возможности вершить суд, руководить администрацией, финансами?» [12, s. 9]. Укрепление королевской власти рассматривается Скаргой, таким образом, как главный фактор могущества государства. Подобный монархизм, отмечает Я. Тазбир, был в целом характерен для значительной части деятелей контрреформационного движения на рубеже XVI – XVII веков. Взгляды другого иезуитского интеллектуала Криштофа Варшевицкого в еще большей степени тяготели к абсолютизму [19, s. LXII].

Петр Скарга придерживался широко распространенной в политической мысли Средневековья и раннего Нового времени точки зрения о том, что республиканский строй может быть пригоден только в отдельных городах и на небольших территориях. На многочисленных исторических примерах, в том числе касающихся истории Польского Королевства, проводилась мысль о том, что наилучшей формой светской власти является монархия. В творчестве П. Скарги находит отражение критика идеализации государственного устройства Венецианской Республики, которое многие шляхетские политики и интеллектуалы традиционно рассматривали как образец смешанной формы правления, достойной для подражания: «Не нужно смотреть на Венецию, что та так долго – 1100 лет – держится. Там ведь простой народ не имеет власти. Его спрашивают только в неважных и незначительных делах, а все важные дела решает совет трехсот, и у него вся полнота власти. В одном городе, как под одним навесом это нормально. Но в огромном государстве это затруднительно» [12, s. 132 – 133].

В своем творчестве Скарга последовательно избегает популярного термина «смешанная монархия» и выражает свои симпатии к сильной монархической власти. Это, в свою очередь, вызывало обвинения в его адрес со стороны оппонентов в пропаганде неограниченной власти («*absolutum dominium*»), которая в дискурсе Средневековья и Ренессанса отождествлялась с деспотией и оценивалась однозначно негативно. В общественном мнении той эпохи деспотия ассоциировалась с неограниченной никакими институ-

тами и нормами властью в восточноевропейских (Московии, Турции, Крымском ханстве) и азиатских государствах. Вместе с тем шляхетские публицисты усматривали деспотические формы правления в зарождавшемся в то время абсолютизме в ряде западноевропейских государств, в особенности в Испании. В одном из протестантских полемических произведений говорилось о том, что П. Скарга желает «по-испански и по-московски построить у нас монархию с кровавым мечом» [10, s. 65].

В шляхетской социально-политической мысли сильная наследственная монархическая власть, по сути, отождествлялась с деспотией. Так, в одной работе указывалось: «Есть большая разница между иностранными государствами, в которых существует *absolutum dominium*, и нашей свободной Речью Посполитой. Там, как например, в Италии, Испании или Англии, государи правят, имея наследственную абсолютную власть, полностью подчиняя народы своей власти (...) А здесь в вольном народе одни люди не могут господствовать над другими ни во время правления государей (поскольку их власть ограничена правом и присягой), ни после их смерти, когда права власти переходят к народу (поскольку все равны)» [8, s. 375 – 376].

Петр Скарга, однако, отрицал обвинения со стороны своих оппонентов в пропаганде неограниченной власти. Он разграничивал понятия деспотии и монархии. Деспотия, которая представляет собой неограниченную власть, по его мнению, может оцениваться положительно только в том случае, если во главе государства находится мудрый, справедливый и богобоязненный правитель. Однако, поскольку в силу людских слабостей такое может быть крайне редко, монархическая власть должна иметь определенные ограничения: «Мы поддерживаем не такую монархию, как у турок, татар и в Москве, где имеется незаконное правление, а такую, которая опирается на справедливое право и мудрую раду, и в которой власть ограничена божьими законами» [12, s. 134 – 135].

Совершая экскурс в историю Польши, Скарга отмечает, что до принятия христианства Польское государство представляло собой деспотию. Преодоление последней связано было с тем, что католическое духовенство после христианизации знакомило монархов с божественным правом и тем самым ограничивало их власть. Позднее возникло государственное право, для соблюдения которого королем была создана светская рада [12, s. 135 – 136]. Петр Скарга весьма высоко оценивает роль Сената как важного органа в системе государственной власти. Он подчеркивает профессионализм высших чиновников, их широкие знания в области политики.

Особое внимание уделяется роли высшего католического духовенства в осуществлении власти. Скарга высказывается с большим почтением о тех монархах, которые прислушивались к мнению церковных сановников: «Они почитали святых епископов как своих отцов, давали щедрые пожалования церквям в виде десятин, золота и серебра, защищали святую веру против неверных, а некоторые из них и погибали в войнах с ними. Епископы были у них советниками и правой рукой. Они установили строгие законы против еретиков, вредивших католической религии. И ничего у них не было более важного в государственных делах, чем защита религии» [12, s. 98]. В то же время Я. Тазбир отмечает, что указание на ограничение духовными и светскими сановниками монархической власти должно пониматься не как требование разделения власти между королем и аристократией, а как императив их органического единства в управлении государством, что должно было способствовать укреплению авторитета монархии [19, s. LXIII].

В то же время в творчестве П. Скарги присутствует острая критика деятельности шляхты, в особенности практики функционирования Посольской избы: «Вы вредите сами себе и тиранствуете друг над другом, когда не выполняете законы и ограничиваете там, где не нужно, королевскую власть. Со стороны государства нет ничего, на что вы могли бы жаловаться, если только сами на себя». Безжалостной критике Скарга подвергает сейм: «(...) Съезжаетесь с большими отрядами пехоты и конницы, как все равно на войну, а не на собрание (...) Такое большое время здесь сидите, а мало чего делаете (...) Жалуетесь на поборы, а сами в этой суматохе поносите большие убытки» [12, s. 15 – 16]. Мыслитель указывает на слишком большую длительность сеймов, неэффективное принятие решений вследствие «порочности» шляхты и ее эгоизма. Шляхте приписывались склонность к бунтам и беспорядкам, узурпация сенаторской власти, отступничество от католической религии, угнетение крестьян и мещан. Скарга негативно оценивал институт «вольной элекции» и, как следует из рассуждений Я. Тазбира, был сторонником наследственной монархии [19, s. LXV].

Католический философ бескомпромиссно осуждал идеи шляхетского государства, особенно такие его формы, как конфедерации и рокош. В период рокоша 1606 – 1609 годов он был одним из наиболее последовательных сторонников королевской власти. В написанном в те годы труде «Вот тебе рокош» П. Скарга следующим образом отзывается об участниках рокоша: «Вот тебе рокош, который нашу милую и благодатную отчизну привел в великое замешательство и опасность (...), позволил поднять головы еретикам, способствуя расширению их лжеучений (...), опустошил королевские и духовные имения (...),

привел к разделению, ибо одни признают государя за государя, а другие нет, одни постановляют себе права, а другие нет (...)» [13, с. 36 – 39].

С точки зрения Скарги, шляхетская демократия является весьма несовершенной формой социально-политического устройства. Широкие массы шляхты, по его мнению, не способны к управлению государством в силу недостатка образования, наличия различных мнений, преобладания узкоэгоистических интересов над общественными.

Результатом самоуправления шляхты, по мнению П. Скарги, становится упадок государственной власти, проявляющийся в следующих аспектах:

- чрезмерная шляхетская свобода, приводящая к анархии («все защищаются шляхетской свободой, все этим плащом прикрывают свои преступления, и добрую золотую вольность превращают в неповиновение и в распутство»);
- отсутствие нормального порядка получения государственных доходов;
- превышение Посольской избой своих полномочий, что приводит к неэффективности в работе сеймов [12, s. 134].

Анализируя социально-политическую концепцию Петра Скарги, следует иметь в виду также тот аспект, что в конечном итоге интересы государства в творчестве иезуитского мыслителя подчинены интересам католической церкви. Поэтому монархическая власть может исполнять свои функции надлежащим образом только в случае тесного сотрудничества с церковными властями. В конечном счете Скарга признает приоритет церкви перед государством: «Должны в первую очередь слушать Бога, а не людей. В первую очередь защищать церковь, а не отечество. В первую очередь заботиться о славе Бога, а не о светском достоинстве. В первую очередь приобрести вечное отечество, а не временное» [11, s. 367].

Необходимо напомнить, что в европейской контрреформационной мысли рубежа XVI – XVII веков отношение к государственной власти имело инструментальный характер. С одной стороны, всячески восхвалялась деятельность монархов, поддерживавших католическую церковь и борющихся с «ересями». В то же время в трудах ряда иезуитских мыслителей, прежде всего испанских философов Франсиско Суареса и Хуана де Молина, нашли свое отражение идеи суверенитета народа и сопротивления тирании [7, с. 202 – 203].

В польской католической социально-политической мысли также имелись традиции идеи детронизации монарха, не считающегося с необходимыми ограничениями его власти в творчестве С. Ожеховского, который сочетал в своих трудах идеи Контрреформации и шляхетской демократии [9, s. 117]. Однако П. Скарга указывал, что даже если руководители государства «находятся в смертных грехах», под чем явно следует понимать их отступление от религиозной ортодоксии, подданные обязаны сохранять лояльность по отношению к государственным институтам и исполнять их предписания [12, s. 103 – 104]. Тем самым мыслитель выказывал свое отрицательное отношение к идеям сопротивления тирании и тираноубийства. При этом подчеркивалось, что в истории Польши не было тиранов среди монархов, за исключением короля Болеслава II, правившего в XI веке и запятнавшего себя убийством св. Станислава [12, s. 139 – 140]. Рассматривая этот аспект, нужно иметь в виду, что король Жигимонт Ваза, правивший в период появления «Сеймовых проповедей», был активным поборником католической церкви и покровителем иезуитов. В связи с этим представляется возможным оценить монархизм П. Скарги, исходя из перспективы использования католической монархии в целях борьбы с религиозными конкурентами.

Концепция права. Правовая система Речи Посполитой не представляла собой единого целого. В последней трети XVI века выработалась система, в соответствии с которой законодательные постановления (конституции) принимались на сеймах в результате согласования мнений королем, Сенатом и Посольской избой. При этом действовали отдельные конституции для Польского Королевства и Великого Княжества Литовского.

Проблема правотворчества, правильного принятия и функционирования законов была одной из наиболее актуальных в социально-политической мысли Речи Посполитой рубежа XVI – XVII веков. Затрагивалась она в труде П. Скарги «Сеймовые проповеди», в седьмой проповеди.

Петр Скарга исходил из средневековой традиции политико-правовой мысли, в соответствии с которой выделялись такие виды права, как естественное, божественное, церковное и государственное.

Под естественным правом понимаются вечные с точки зрения мышления той эпохи моральные императивы, которые как бы вписаны от рождения Богом в человеческие души (например, запреты на убийство, воровство, прелюбодеяние). К соблюдению данных императивов людей побуждает совесть, которая интуитивно позволяет различать добро и зло [12, s. 154 – 155].

В то же время в результате человеческого грехопадения человеческая совесть зачастую утрачивает свою способность правильно регулировать поведение человека и отличать зло от добра. В этих условиях Бог трансцендентным путем дарует людям Священное Писание, вначале в виде Ветхого, а затем Нового

завета, в котором прописаны требования естественного права со ссылкой на божественный авторитет (божественное право) [12, s. 155 – 156].

Церковное право представляет собой постановления церковных соборов, решения римских пап, которые обязательны с точки зрения католической теологии для спасения человека [12, s. 156 – 157].

Основное внимание в «Сеймовых проповедях» отведено анализу государственного права. Функция данного вида права, по мнению П. Скарги, состоит в том, чтобы обеспечивать порядок, дисциплину и поддерживать справедливость в обществе для достижения всеобщего блага [12, s. 158]. Данное понимание права находится в русле аристотелевской политической традиции.

Петр Скарга указывает на то, что в истории человечества существовал период, когда право отсутствовало. В этот период роль права, по его мнению, исполняла неограниченная воля правителей. Возникновение права связывается со стремлением сделать нормы общественной жизни независимыми от субъективных желаний и прихотей лиц, находящихся у власти.

Главное достоинство права состоит в его объективности и беспристрастности: «Они (законы) не помогают виновным, в них нет гнева и ненависти, они не желают подарков, они не могут наговорить на плохое и обмануть» [12, s. 159]. На основе права должно осуществляться управление в государстве: «Статуты в Речи Посполитой нужны так же, как в теле глаза. Потому что благодаря им мы не только обнаруживаем грехи, как говорит апостол, но и регулируем все дела» [12, s. 160]. Подчинение праву является важнейшей обязанностью подданных, так как в противном случае в государстве воцарится хаос: «Лучше городу быть без стен, как один говорил, чем без законов. Ибо защититься можно с помощью какого-нибудь войска, а без законов он не сможет просуществовать» [12, s. 159].

Исходя из средневековой концепции о божественном происхождении власти, П. Скарга требует такого же подчинения государственным законам, как и божественным: «Нужно придерживаться мнения, что нарушение человеческих, церковных и королевских законов – это такой же смертельный грех, как и нарушение Божьего права. Смертельно грешат те, кто нарушил закон Божий, не чтит отца и мать, не слушает церковь (...) Такой же грех у того, кто не слушает короля и власти» [12, s. 164].

В то же время П. Скарга подчеркивает необходимость того, чтобы законы были справедливыми, служили всеобщей пользе, соответствовали божественным заповедям. Морализаторское восприятие права как орудия для воспитания нравственности является широко распространенным элементом правового дискурса эпохи Средневековья и раннего Нового времени. Более важным представляется тот тезис в творчестве П. Скарги, на который указывал польский исследователь Я. Тазбир: главной целью светского законодательства является защита интересов католической религии [19, s. LIX].

Рассматривая вопрос об источниках права, Петр Скарга указывает прежде всего на право монархов постановлять законы [12, s. 150], что свидетельствовало о проабсолютистских симпатиях мыслителя. Характерно также, что о законодательной деятельности сеймов им не упомянуто. Но вместе с тем философ указывает на необходимость квалифицированных чиновников, которые бы могли правильно толковать право: «Для осуществления права всегда нужны чиновники, которые бы говорили от имени права и были бы как бы живым законом» [12, s. 160]. Они должны пояснять право в постоянно меняющихся обстоятельствах, быть профессионалами и нравственно чистыми людьми: «Нужны большая мудрость, опыт, знания и благочестивость, чтобы использовать законы для справедливости и сохранения целостности Речи Посполитой. Для этого избираются люди ученые, опытные в государственных делах и к тому же набожные и имеющие Духа Святого» [12, s. 162].

Большое внимание П. Скарга уделяет критике недостатков законодательства в Речи Посполитой. Среди наиболее вопиющих проявлений беззакония он указывает на законы, направленные против господства католической церкви (акт Варшавской конфедерации 1573 года, запрет светским органам власти приводить в исполнение решения духовных судов 1563 года): «В настоящее время распространились грехи, которые ранее карались духовным судом: прелюбодеяния, инцест, ростовщичество, волшебство и др., которые ранее согласно древним и святым законам карал духовный суд (...) Но есть еще похуже закон, который вы называете конфедерацией 1573 года, введенный с обманом простых католиков некоторыми еретиками так, чтобы каждый мог свободно выбирать себе веру, какую хочет, производить нововведения в церкви, не поносить за это никакого наказания. Еще больший вред этот закон, который не признает ни один добропорядочный католик, наносит в том, что не предусматривает никаких мер против религиозного произвола, оскорбления имени Бога и искоренения христианской веры и введения атеизма» [12, s. 173 – 174].

Петр Скарга являлся убежденным сторонником разделения общества на сословия с различными правами и привилегиями. По его мнению, в государстве должны присутствовать пять сословий: духовное, сенаторское, рыцарское, городское, крестьянское [12, s. 63]. Характерно, что традиционно в общественно-политической мысли Речи Посполитой выделялись три сословия: шляхта, мещане и крестьяне. Такой подход, например, можно встретить у оппонента П. Скарги, идеолога кальвинизма в ВКЛ Андрея Волана [2, с. 29]. Специальное выделение духовного и сенаторского сословий должно было подчеркнуть особый привиле-

гированный статус католического духовенства и сенаторской аристократии, что являлось своего рода теоретическим отрицанием шляхетской демократии.

Признавая необходимость сословного разделения общества, П. Скарга в то же время считал нужным сохранение гармонии во взаимодействии всех слоев общества. Существенным недостатком законодательства Речи Посполитой провозглашается ущемление прав низших сословий: «А мы, рассуждая об общественном благе, одно сословие стремимся ущемить в правах, а другое возвысить – духовное сословие понизить, а еретическое или шляхетское на первое место поставить; крестьян и подданных хотим притеснять, а сами себя освободить от поборов и повинностей. Посмотрите на то, как эти крестьяне, убогие подданные, которых вы притесняете и которыми пренебрегаете, вас носят, кормят и обогащают. Обратите на них внимание, чтобы, по словам апостола, низший орган имел более высокую ценность. Иначе вы все можете погибнуть» [12, s. 135 – 136]. Скарга выступает за расширение прав для низших сословий и остро критикует сословный эгоизм шляхты. Правда, о конкретных шагах в данном направлении им ничего не говорится.

Анализ общественно-политической мысли в творчестве Петра Скарги позволил сделать следующие **выводы**:

- социально-политические идеи Петра Скарги развивались в русле католической социально-философской традиции, адаптированной контрреформационной мыслью к историческим условиям раннего Нового времени. Существенным фактором, наложившим отпечаток на специфику упомянутых идей, является социально-политическая ситуация в Речи Посполитой конца XVI века (становление выборной монархии, шляхетской демократии, юридическое закрепление принципа веротерпимости);

- в творчестве П. Скарги нашла отражение фундированная в средневековой традиции католической политической философии концепция «капланского королевства», в соответствии с которой постулировался примат духовной власти над светской. В пользу данной концепции приводятся наряду с религиозными многочисленными рационалистические и политико-прагматические аргументы. Опираясь на концепцию органицизма, П. Скарга обосновывал необходимость господства единой «истинной» религии в государстве. В отношении иноверцев предписывались различные меры дискриминации. Петр Скарга всячески подчеркивал необходимость тесного сотрудничества церковной и государственной власти, что привело к симбиозу в его творчестве теократических и абсолютистских тенденций;

- концепция государственно-политического устройства в творчестве Петра Скарги основывалась на жесткой критике существовавшего в Речи Посполитой социально-политического строя, базировавшегося на принципах ограничения монархической власти и господства широких шляхетских свобод, который постулировался в интеллектуальном дискурсе в качестве «смешанной монархии». Политическим идеалом П. Скарги выступала сильная монархия, опирающаяся на справедливые и разумные законы, ограниченная светской и в первую очередь церковной аристократией. Модель сильной монархии рассматривалась в неразрывной связи с постулированием господства католической религии и приоритета церковной власти в духовной сфере;

- в социально-политической концепции Петра Скарги находит отражение рецепция средневекового понимания права. Право рассматривается как средство для обеспечения безопасности в общественной жизни. Отмечается, что законы должны прежде всего служить интересам католической религии и нравственности. Право должно закреплять сословное деление общества и обеспечивать гармоническое взаимодействие в отношениях между сословиями. С позиций своей концепции П. Скарга подверг критике многие аспекты правовой практики Речи Посполитой конца XVI века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Политика / Аристотель // Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. – Минск: Литература, 1998. – С. 409 – 738.
2. Волян, А. Аб грамадзянскай, або палітычнай свабодзе / А. Волян; пер. з лац. У. Шатона. – Мінск: Зміцер Колас, 2009. – 142 с.
3. Мараш, Я.Н. Ватикан и католическая церковь в Белоруссии (1569 – 1795) / Я.Н. Мараш. – Минск: Выш. шк., 1971. – 272 с.
4. Goślicki, W. O senatorze doskonałym księgi dwie: w których są wyjaśnione obowiązki urzędników oraz szczęśliwe życie obywateli i pomyślność państwa (1568) / W. Goślicki; z jęz. łac. przeł. T. Bienkowski; oprac. Mirosław Korolko. – Kraków: Arcana, 2000. – XVIII, 562, [1] s.
5. Karnowski, S. Exorbitancie y naprawa koła poselskiego / S. Karnowski. – B.d., 1596.
6. Korolko, M. Klejnot swobodnego sumienia. Polemika wokół Konfederacji Warszawskiej w latach 1573 – 1658 / M. Korolko. – Warszawa: PAX, 1974. – 427 s.

7. Kriegseisen, W. Stosunki wyznaniowe w relacjach państwo-kościół między reformacją a oświeceniem: (Rzesza Niemiecka, Niderlandy Północne, Rzeczpospolita polsko-litewska) / W. Kriegseisen. – Warszawa: Semper, 2010. – 710 s.
8. Krótki respons na Dyskurs przeciwko konfederacyjej przedrukowany [po 1607]. / Korolko, M. Klejnot swobodnego sumienia. Polemika wokół Konfederacji Warszawskiej w latach 1573 – 1658 / M. Korolko. – Warszawa: PAX, 1974. – S. 372 – 386.
9. Orzechowski, S. Quincunx, to jest wzór Korony Polskiej na cynku wystawiony / S. Orzechowski; wyd. K.J. Turowskiego. – Warszawa: Wyd-wo Biblioteki Polskiej, 1858. – 113 s.
10. Przestroga i obrona do wszytkich obywatelów Korony Polskiej i Wielkiego Księstwa Litewskiego (...). – Kraków: [Aleksy Rodecki], 1597 // Korolko, M. Klejnot swobodnego sumienia. Polemika wokół Konfederacji Warszawskiej w latach 1573 – 1658 / M. Korolko. – Warszawa: PAX, 1974. – S. 304 – 333.
11. Skarga, P. Dyskurs na konfederacyę / P. Skarga // Korolko, M. Klejnot swobodnego sumienia. Polemika wokół Konfederacji Warszawskiej w latach 1573 – 1658 / M. Korolko. – Warszawa: PAX, 1974. – S. 360 – 370.
12. Skarga, P. Kazania sejmowe / P. Skarga / oprac. J. Tazbir, M. Korolko. – Wrocław etc.: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1984. – CXVII, 210, [1] s.
13. Skarga, P. Otoż tobie rokosz! / P. Skarga // Pisma polityczne z czasów rokoszu Zebrzydowskiego: 3 t. – Kraków: Akademia Umiejętności, 1916 – 1918. – T. 2: Proza / wyd. J. Czubek. – 1918. – S. 35 – 40.
14. Skarga, P. Proces konfoederatiewy / P. Skarga. – Kraków: A. Piotrkowczyk, 1595. – 20 k.
15. Skarga, P. Upominanie do ewangelików y do wszystkich społem nie katolików, iż o skażenie zborów Krakowskich gniewać się y nic nowego y burzliwego zaczynać nie maią / P. Skarga. – Poznań: B. Wolrobowia i dziedzice, 1592. – 88 s.
16. Skarga, P. Wzywianie do pokuty obywatelów Korony Polskiej y Wielkiego Księstwa Litewskiego / P. Skarga // P. Kazania sejmowe / P. Skarga // Piśma wszystkie: 4 t. / P. Skarga. – Warszawa: Dr. R. Kaniewskiego, 1923 – 1926. – T. 2: Kazania sejmowe. Wzywianie do pokuty obywatelów Korony Polskiej y Wielkiego Księstwa Litewskiego. – 1924. – S. 108 – 147.
17. Tarnowski, S. Pisarze polityczni. Studia do historyi literatury polskiej: 2 t. / S. Tarnowski. – Kraków: Wydanie Akademii Umiejętności, 1886. – T. 2. – 498 s.
18. Tazbir, J. Piotr Skarga. Szermierz kontrereformacji / J. Tazbir. – Warszawa: Wiedza powszechna, 1983. – 289 s.
19. Tazbir, J. Wstęp / J. Tazbir // Skarga, P. Kazania sejmowe / oprac. J. Tazbir, M. Korolko. – Wrocław etc.: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1984. – S. I–CXVII.
20. Warszawicki, K. Paradoxy / K. Warszawicki; przekł. L. Gajda // Filozofia i myśl społeczna XVI wieku; oprac. L. Szczucki. – Warszawa: PWN, 1978. – S. 383 – 405.
21. Wereszczyński, J. Pisma polityczne / J. Wereszczyński; wyd. K.J. Turowskiego. – Kraków: Biblioteka Polska, 1858. – [16], 184 s.
22. Wierzbowski, K. Krzysztof Warszawicki 1543 – 1603 i jego dzieła: monografia historyczno-literacka / K. Wierzbowski. – Warszawa: E. Wende i Sp., 1887. – XII, 406, [1] s.
23. Windakiewicz, S. Piotr Skarga / S. Windakiewicz. – Kraków: Krakowska spółka wydawnicza, 1925. – 240 s.

Поступила 30.10.2013

THE PROBLEM OF SOCIAL AND POLITICAL STRUCTURE IN THE CREATIVE WORK OF PIOTRA SKARGA

I. BORTNIK, A. YEMELIANAU

The article dwells on the problem of social and political structure in the creative work of Piotr Skarga, who was a Counter-Reformation activist of Rzecz Pospolita in the second half of the 16th – the beginning of the 17th centuries. In the works of this thinker there were revealed and analysed such social and political concepts as the concept of “chaplain state”, the concept of polity, the concept of law. It was found out, that the political ideal of Piotr Skarga was a strong monarchy limited by church and temporal aristocracy. The model of this strong monarchy was considered to be inseparable from the axiomatisation of Roman Catholicism’s supremacy and the priority of church power in spiritual spheres. Law was seen as means of safeguarding in social life. It was mentioned that the laws were to serve the purposes of the Catholic Church and morality, they had to consolidate the estate division of society and to provide harmonious interaction between estates.